

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 247–252.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 247–252.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-247-252

О КНИГЕ А. К. ГЕРЦЫК «ЖИЗНЬ НА ОСЫПАЮЩИХСЯ ПЕСКАХ»

Сост. Т. Н. Жуковская. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 592 с.

Ангелина Артемовна Акимова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия,

angelina.a.akimova@gmail.com

Ссылка для цитирования: Акимова А. А. О книге А. К. Герцык «Жизнь на осыпающихся песках» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 247–252. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-247-252>.

Academic Life. Reviews

ABOUT THE BOOK OF A. K. GERTSYK “LIFE ON THE CRUSHING SANDS”

Angelina A. Akimova

National Research University

“Higher School of Economics” (HSE University),

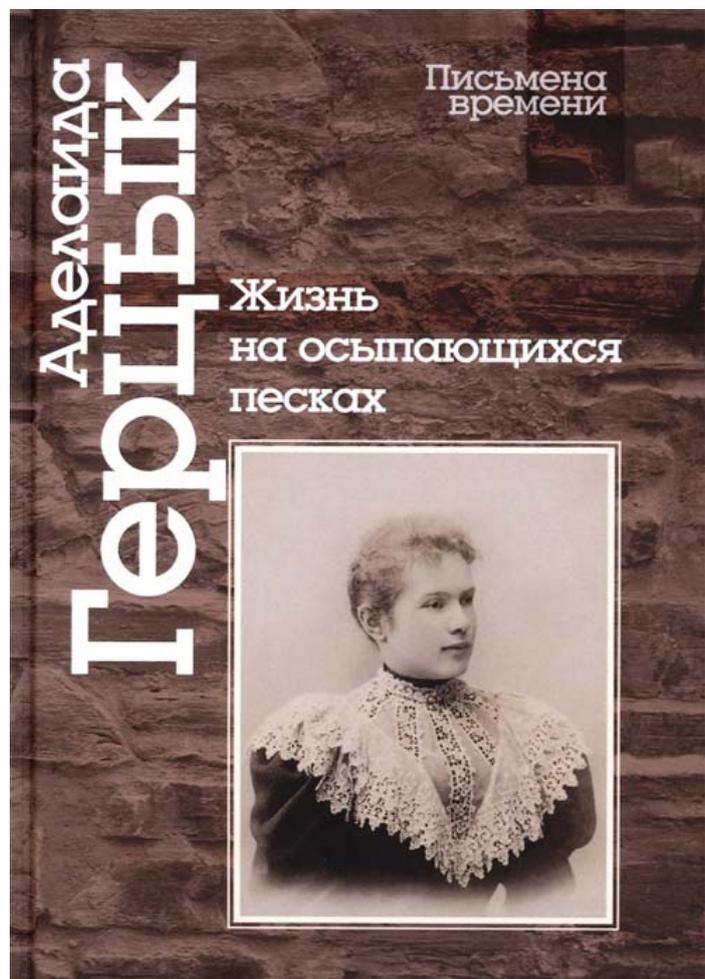
Moscow, Russia, angelina.a.akimova@gmail.com

For citation: Akimova, A.A. (2022) ‘About the Book of A.K. Gertsyk “Life on the Crushing Sands”’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 247–252. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-247-252.

Сестры Герцык — Аделаида и Евгения — являют собой ярких, хотя в некоторой степени и не самых «гремящих на устах», представительниц Серебряного века, вобравших в себя его дух и переживших особое время русской культуры. Будучи не просто знакомыми, но состоящими в довольно тесном контакте с громкими именами своего времени, они находились в эпицентре его бурлящей культурной жизни. Младшая из сестер, Евгения, оставила свои «Воспоминания», старшая же, Аделаида, подарила нам ценное и, более того, оцененное современниками поэтическое и прозаическое творчество. Т. Н. Жуковская, внучка Аделаиды Герцык, составила сборник ее стихотворений, эссе и писем периода 1914–1925 годов.

Представленный сборник открывается предисловием Т. Н. Жуковской, в котором она штрихами набрасывает то, с чем читателю предстоит столкнуться далее, — историю человека, семьи, эпохи. Жуковская вписывает А. Герцык в общий исторический и культурный контекст ее времени через людей, оказавшихся довольно близкими поэтессе, — Н. А. Бердяева, Вяч. И. Иванова, С. Н. Булгакова, М. А. Волошина, и вместе с тем последовательно восстанавливает жизненный путь Аделаиды Герцык вплоть до последних ее дней, прибегая к отрывкам из писем и архивных документов. В качестве послесловия публикуется статья Н. К. Бонецкой «Под знаком Софии». Связывая личную и «эпохальную» истории, Бонецкая представляет нам образ Аделаиды и ее сестры, рассматривая их в качестве «феномена» своего времени: в них мы видим и синтез влияний основных духовных исканий Серебряного века, и торжество личного духовного пути: «Аделаида в конце концов пришла к христианской простоте — терпению, смирению, молитве за всех» (с. 563). Послесловие Бонецкой будто закольцовывает книгу, продолжая начатую Жуковской работу по воссозданию уникального жизненного пути Аделаиды

Герцык в его переплетении с основными вехами времени и общей, витавшей в воздухе мыслью.

Основу сборника составляют стихотворения, прозаические произведения и письма Аделаиды Герцык. В стихотворениях поэтессы можно особо отметить влияние духа символизма — они пронизаны тайной, загадкой, «иным». Лирическая героиня А. Герцык воспеваает мир души, порой не находя себе в нем места, потому мы встречаем следующие строки: «Я растеряла свою душу // В низинах бытия...», «Не во храме — в преддверии // Место мое...» и постоянном вопрошании «Где я?». Однако в более поздних стихотворениях прорываются открытые лирической героиней в ее ночных озарениях надежда, твердость и уверенность: «Какая радость снять оковы // Сомнений, робости, забот!». Общее настроение стихотворного цикла 1914–1925 годов органично встраивается в последующие прозаические произведения и письма Аделаиды Герцык, проливая свет на определенные повторяющиеся мотивы ее поэтического творчества. Более того, некоторые из стихотворений обретают конкретные время, место и предваряющие их жизненные обстоятельства или душевное состояние поэтессы. Некоторые из них мы впоследствии встречаем в письмах Аделаиды, а цикл стихотворений «Подвальные» оживает в связке с «Подвальными очерками», написанными по воспоминаниям о заключении зимой 1921 года.

Прозаические произведения, включенные в сборник, открываются очерком «История одной дружбы», который является переводом писем немецкой писательницы Беттины Brentano к ее подруге Каролине ф. Гюндероде с предисловием и комментариями самой Аделаиды Герцык. В одном из писем к И. Н. Розанову (1903) А. Герцык оставляет следующее замечание о переводе: «<...> прежде всего надо проникнуться возможно глубже чувством, волнением или образом, породившим оригинал, и затем уже, не заботясь об излишней точности в передаче слова, не гонясь за известным количеством строк — передать это впечатление, пользуясь теми ресурсами, которые для этого дает родной язык» (с. 221). Так, чем-то образ Беттины пленял А. Герцык — возможно, своей живостью, чуткостью к миру, тонкостью его восприятия и способностью глубокого погружения не только в свои, но и в чужие чувства и образ мысли. Всё это Аделаида Герцык демонстрирует и в своей художественной прозе. В собрании прозаических заметок автобиографического характера «Мои блуждания» А. Герцык в меньшей степени сконцентрирована на себе, чем на фигурах мелькающих в ее жизни людей, будь то случайно замеченная на улице нищая, сестра подруги детства, изживающая свое горе, или друг, с которым Аделаида ведет разговоры не вслух, но про себя, изнутри. Разговор с другим и созерцание другого оказываются ключом героини к самой себе, образы ее мысли и жизни

оттачиваются встречами и разговорами с людьми. Этим встречам и разговорам вовсе не обязательно быть «реальными», важен сам акт обращения к другому. Это может быть и воображаемая самой Аделаидой женщина, разговоры с которой разворачиваются внутри ее фантазии и оказываются записанными в тетрадь: «Беседа с другим успокаивает, задерживает, главное — дает возможность не расти духом, опустить завесу над далью, над глубиной, над дном мира. Радостно быть слабой, не ведущей, на другого возложить знание и силу, но этого нельзя в одиночестве» (с. 156).

Кажется, что разговор с другим в какой-то степени является и формой эскапизма, связывающей с миром ниточкой, не позволяющей уйти в «даль». Вместе с тем складывается впечатление, что для Аделаиды Герцук обращение к другому стало не способом куда-то уйти или убежать, но попыткой прийти к себе и открыть глубину мира наиболее безопасным образом, что особенно характерно для «Подвальных очерков». Выше уже была упомянута история этого прозаического произведения Аделаиды Герцук: пережив в 1921 году тюремное заключение в Судаке, длившееся около месяца, в 1924 году она возвращается к этому краткому, но насыщенному периоду своей жизни и записывает воспоминания о нем, «чтоб это отошло от меня, чтоб не жило больше в душе, требуя себе оправдания и раскрытия» (с. 474). В «Подвальных очерках» еще более заметно внимание Аделаиды Герцук к личной истории другого человека. Собирая по ниточкам истории своих заключенных соседей, она складывает личное горе каждого в некоторое общее страдание. В письме сестре Евгении Аделаида пишет: «Очень странно; я ничего, ни одного слова не пишу о себе (все оч^{<ень>} объективно), но все время узнаю не только о себе, но о жизни, о смысле ее, о вечной правде» (с. 458). Эта единственная мысль дает нам ключ к прозе Аделаиды Герцук — ее отправной точкой является не «познай самого себя», но преобразованное «познай другого», и именно так открываются ею общее и вечное. По этой причине ее интересуют письма Беттины, а в произведении под названием «Мои блуждания» она описывает в первую очередь не свои блуждания, но блуждания людей, с которыми ее сталкивала жизнь и кто перед ней открывался.

В общую картину мирозерцания Аделаиды Герцук встраиваются ее письма того периода. Это еще более интимное обращение к другому человеку (в данном случае — к членам семьи и близким друзьям), через которое довольно явно проступает образ А. Герцук уже не как лирической героини, но как человека. Именно в письмах обостряются и оживают отраженные в стихотворениях и художественной прозе душевные поиски и переживания Аделаиды Герцук. Основные фигуры, к которым адресованы представленные в сборнике

письма, — В. С. Гриневич, А. М. Петрова, М. А. Волошин, М. О. Гершензон и его жена М. Б. Гершензон, а также Евгения Герцык и другие члены семьи. Всё собрание опубликованных писем можно условно разделить на две части: письма 1914–1921 и 1922–1925 годов.

Содержание первой части писем возвращается прежде всего вокруг известных событий русской истории и попыток их осмысления. В начале это определенная приподнятость духа и предчувствие свершающегося великого. Так, в письме М. А. Волошину (1914) А. Герцык пишет: «кажется ли вам, что мир приблизился к концу, что можно умереть от ужаса, если б он не перебивался порой чувством восторга, — кот. испытываем мы все, видя и ощущая пробуждение России, призвание, избрание ее, глубоко сознавая, что она просыпается от долгого сна, и что грядущая культура будет религиозной и будет русской» (с. 228). Аделаиде непонятно отсутствие этого чувства у адресата ее письма, она же им переполнена. С таким же чувством А. Герцык принимает и свершающееся внутри России, говоря о «сказочных, незабываемых, безумных» днях (с. 276), окрашенных апокалиптическими тонами, но несомненно пророчащих великое. Однако уже к концу 1917 года в письмах Волошину проскальзывают мысли о «погибании», и далее (в письме А. М. Петровой) — о «переломе» внутри самой Аделаиды, увидевшей в происходящем «постепенное уничтожение и гибель» (с. 280).

В последующих письмах проступают всё более четкие очертания разочарования и предчувствия несчастья, и всё больше Аделаида уходит в совсем другое пространство. Мы не встречаем уже восторженных размышлений «о судьбах родины», она погружается в область личного: говорит о жизни бытовой, литературе, творчестве. В 1922 году А. Герцык, всё это время проживавшая в Судак вместе со своей большой семьей, вынужденно переезжает в Симферополь с мужем и двумя сыновьями, что порождает вторую часть писем — «родным в Судак». Тяжелые жизненные обстоятельства и пространственная отдаленность от семьи определяют содержание этих писем. Теперь в основном они возвращаются вокруг бытовых вопросов, связанных порой не с жизнью, а с выживанием. Возникает ощущение, будто Аделаида полностью погружается в вопросы жизни «внешней», в быт и хлопоты, и, вероятно, в описываемых ею условиях жизни невозможно иначе. Только изредка встречаются проблески сожаления и тоски: «Стараюсь бодриться и делать все, что нужно, и, конечно, весь день проходит преисполненный маленькими делами, но неумолчно в глубине тоскующий голос: не это важно, не об этом надо жить...» (с. 391). Но так редко эти проблески, потому что «нет времени (а может быть, и разума), чтобы осознать это» (с. 430). Спасительной оказывается для А. Герцык мысль об ис-

купления страданием, о жизни будто на проверку своего смирения, кротости и терпения. На некоторое время этой мысли хватает, но ближе к 1925 году — году смерти Аделаиды Герцык — всё больше проскальзывают строки о том, что «внешняя» жизнь ее поглощает и совсем позабыта жизнь «внутренняя». Однако иногда она находит отдохновение в литературных занятиях и в общении, которое так ценно А. Герцык для открытия в себе «внутренней» жизни, в том числе с отцом Сергеем Булгаковым, «Ялтинский дневник» которого опубликован в приложении к книге.

Удачное построение сборника текстов Аделаиды Герцык, обрамленного глубокими исследовательскими замечаниями и наблюдениями о ее жизни и творчестве, позволяет читателю сформировать довольно целостное представление. Личная история жизни А. Герцык, последовательно представленная через жанровое разнообразие ее текстов, каждый из которых задает новый виток построения ее образа, встраивается в общее чувство эпохи и в канву судеб современников поэтессы. Именно это открывает читателю цельную и детальную картину, с одной стороны, определенного времени, с другой — определенного человека в лице Аделаиды Герцык.

Информация об авторе: А. А. Акимова — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: A. A. Akimova — Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.05.2022;
принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 22.05.2022;
accepted for publication 25.05.2022.